

КОРНИ

Роман
ИЛЬЯСОВ

Раввин из Коканда

Продолжение.
Предыдущие публикации
в №№ 378 – 385

«Прости меня Саморуб, я виноват перед тобой, - думал Яков. - Если бы я тебя вчера не усыпил, то сегодня не было бы трёх трупов... О Бже! Было ли это одним из Его намерений – послать меня сюда, чтобы руками моими лишиться жизни этих мучеников?» Яков мысленно обратился к трём мертвецам: «Да простят меня души усопших. Видит Б-г, не было у меня к вам ничего недоброго и быть не могло. И если лишил Он вас жизни земной, значит, на то была его воля. Ибо только он один ведаёт, когда послать души рабов своих в мир земной, и когда наступает время переселения души в мир иной. Властелин Многомиловитый, обитающий высоко! Дай обрести покой отошедшим в вечность! Да обретут они покой на ложе своем в мире! Устанавливающий мир в высотах Своих, пошли мир нам. Да будет благословенно, возвышено, превознесено, возвеличено и прославлено Имя твоё! Амен!»

И вдруг Яков подумал: «О боже, а вдруг здесь есть еще трупы?» Ему стало не по себе от этой кошмарной мысли. Он повернулся и торопливо обошел все нары, присматриваясь к каждому спящему. Слава Б-гу, никто больше не пострадал.

«Надо разбудить Льва и сообщить ему о случившемся», - решил Яков.

Он подошёл к Доктору и осторожно, но настойчиво стал его тормошить. Доктор промывал что-то нечленораздельное. «Видимо, не привык просыпаться так рано», - подумал Яков. Приоткрыв наконец заспанные глаза, Доктор спросил: «В чём дело Яков? Я надеюсь, вы не будите меня в такую рань, чтобы проделать свои сеансы надо мной?» «Нет, нет, - зашептал тревожно Яков. - Проснитесь, Лев, вставайте». - «А что случилось? Всемирный потоп?» Доктор заметил, что Яков чем-то потрясен.

«Опущенные убили Саморуба и сами повесились!»

«Что вы такое говорите?!» - недоверчиво переспросил Доктор, поворачиваясь туда, куда указывал Яков. И тут его

глаза, казалось, вылезли из орбит, когда он увидел висевшего под окном опущенного. «Этого следовало ожидать, - тихо, сам себе сказал Доктор. - Надо что-то срочно предпринимать, - произнес Яков, видя, что Доктор всё ещё не в себе. - Может, сообщить охранные?»

«Что?! Вы в своём уме Яков? Ни в коем случае! Я имею в виду – не сейчас. Вы знаете что, Яков, идите на своё место и сидите тихо. Всё, что надо, я сделаю сам».

Доктор встал, подошёл к троим, лежащим рядом с нарами Саморуба, и стал их будить. Яков вспомнил, как они представлялись ему - «Бурый, Мясник и Татарин».

Все трое живо вскочили и подбежали к нарам Саморуба. Они внимательно осмотрели тело пахана, потом Бурый повернулся к трупу опущенного и внимательно осмотрел его правую руку.

Бурый проявил большую активность, чем Мясник и Татарин. После осмотра двух трупов он направился за занавеску, Мясник и Татарин последовали за ним. Скоро они вернулись к нарам пахана, и Бурый, указывая движением головы на опущенного, висевшего под окном, сказал: «Этот парашник действовал пером пахана, тот так и не успел проснуться после сильного усыпления, - сказал он, покосившись на Якова. - Потом тот падал, за занавеской, стал измываться над трупом пахана». Бурый указал пальцем на открытый рот Саморуба. Затем показал в сторону туалета: «У того петуха весь правый гребок (рука) с аркашкой (петлёй) в говне».

«Отыгрались пид-ы на спящем», - пробубнил Мясник. «Чудо только, как они нас обошли...» - прохрипел Татарин. «Не рискнули издыхать в мучениях, - сказал Бурый. - Я бы и заколотый им пасти порвал, да жопы на башки бы натянул... Ну а сейчас давайте все за дело! Я простучу соседние хаты».

Он обратился к Мяснику: «Ты поднимай Шныря со Швейкой. Пусть живо плетут удочку». А Татарину поручил: «Ты нацарапай с Доктором маляву к братве. Дай всем знать, что пахана грохнули, и пусть готовятся принимать срочно дачку».

Яков ничего не понял из того что сказал Бурый, и только наблюдал. Бурый подошёл к стенке и стал стучать в неё, вначале тихо, а

потом громче, до тех пор, пока из соседней камеры не послышался ответный стук.

Мясник с Доктором подошли к нарам, корпусом навалились на поперечину и вытащили из образовавшейся щели карандаш и листок плотной бумаги. Доктор сел на нары и стал что-то писать. Татарин разбудил Шныря и Швейку и наказал им «живо плести удочку, чтобы срочно запустить коня».

Шнырь побежал за занавеску, схватил веник, распотрошил его и из отдельных прутьев стал плести жердочку. Швейка сказал Татарину, что ему нужен материал для

чайное происшествие, подобное тому, какое сейчас произошло здесь, то кум, хозяин тюрьмы, даёт распоряжение навести в хате шмон – провести обыск. И если дубаки (охранники) находят что-то запрещённое: карты, чифирбак, перья, заточки и другое, - то начинаются пытки. Дубаки начинают так всех дубасить, что мало не покажется. Если человек не выдерживает, он выдает, если конечно знает, всю информацию – откуда вещички и чьи они. Поэтому до шмона нужно все нелегальное передать в соседние хаты. Передают это вот такой удочкой, которую сейчас пле-

Сын Якова Меир, его жена и автор повести Роман Ильясов

удочки: того, что у него осталось, недостаточно, чтобы запустить коня.

«Что будем делать?» - обратился Татарин к Бурому. «Спроси у колдуна», - ответил тот, указав на Якова. Яков нахмурился - ему не понравилось это прозвище. Татарин подошёл к Якову: «Колдун, у тебя найдётся вязаный свитер или пара вязаных носков?» Яков замешкался. Он хотел попросить, чтобы его не называли колдуном, но сообразил, что сейчас не время говорить об этом, и начал развязывать свой узел. Достал оттуда пару тёплых носков, которые связала Рохел и подарила ему на Хануку, и протянул их Татарину. Татарин взял носки, одобрительно кивнул и передал их Швейке. Швейка стал очень быстро и профессионально распускать их на нитки, а потом из ниток плести веревку. Яков смотрел на всё это с недоумением.

В это время Доктор закончил писать и передал «маляву» Мяснику. Заметив недоуменный взгляд Якова, подошёл к нему. «Понимаю тебя, - начал Доктор. - Я, когда попал сюда несколько месяцев тому назад и увидел всё это, тоже был удивлён... Если в хате случается ЧП - чрезвы-

тут Шнырь и Швейка. Сперва мы закинем маляву, которую я только что написал. Потом нам обратно пошлют ксиву – ответ, в котором сообщат, могут ли они принять товар, и если да, то в каком количестве. Когда хата будет чистой, тогда мы и сообщим дубакам о случившемся...»

Немного помолчав, Доктор продолжил: «И ещё, Яков, я заметил, что тебе было неприятно слышать свою новую кликуху». Он сочувственно похлопал Якова по плечу и сказал: «Здесь ты не можешь сам себе выбрать кличку или же требовать, чтобы тебя называли только по имени. Здесь запахло говорить об этом. И поэтому я тебя прошу, Яков, не веди базар за это ни с кем. Поверь мне, что твоя кликуха – Колдун – ничуть не хуже тех, которыми награждают других».

Яков ничего не ответил. Он вспомнил, что так в последний раз его назвал Саморуб...

Вскоре удочка была готова. Бурый нацепил на нее маляву и велел Шнырю закрыть своим телом волчок (подсматривающее отверстие в двери), чтобы охранник не мог видеть, что делается в хате. От возни в камере, все, кроме Баруха, уже

давно поднялись. Бурый попросил троих о помощи, - снять труп с верёвкой с решётки окна. Шнырь залез на окно и развязал верёвку. Двое других опустили труп на пол и засунули его под нары. Татарин взял удочку, залез на окно и негромко крикнул наружу – коня держите!

Малява перелетела в соседнее окно.

Скоро оттуда, как и говорил Доктор, пришла ксива. Бурый прочёл её и недовольно пробубнил: «Они сбуравили, что мы баланду травим, потому как пахан никогда не кемарил».

Бурый передал ксиву Доктору и сказал: «Растолкуй им, что лекарь вчера в хате появился. Он и усыпил его по желанию самого пахана».

Доктор взял бумагу, и, незаметно бросив на Якова удовлетворённый взгляд, снова стал писать маляву. Когда наконец из соседней хаты пришел положительный ответ, Бурый приказал всем подойти к задней стенке и повернуться лицом к двери - чтобы никто не видел тайники, откуда они будут выносить вещи.

Яков забеспокоился. Он не хотел, чтобы разбудили Баруха. Подошёл к Бурому и сказал: «Барух увидит трупы, если его разбудить».

«Пусть дрыхнет малолетка, - согласился Бурый.

Когда всё было переправлено в соседние хаты, Бурый велел Швейке и тем двоим, которые снимали труп опущенного с окна, снова повесить его на место.

Затем Бурый собрал всех в круг и предупредил: «Когда вас будут допрашивать, как это ЧП случилось, никто ничего не видел и не знает. Все спали. Я первый проснулся и увидел трупы. Вы проснулись, когда я стал барабанивать в двери. Врубались? - Все закивали головами. - Тогда - отбой!»

Когда все улеглись, Бурый подошёл к двери, долго прислушивался, пока не убедился, что в коридоре тихо, и стал колотить в дверь, громко зова на помощь дубаков.

Барух вздрогнул и проснулся. Яков ожидал этого. Он заранее приготовил большой шерстяной платок.

«Не бойся, сынок, я рядом, - спокойно сказал он. - Завяжи платок на голову и обмотай им свои глаза и уши. Тебе не нужно видеть и слышать то, что здесь происходит сейчас».

«Хорошо, учитель», - доверчиво улыбнулся Барух. Он сел на корточки, обвязался платком, положил голову на колени и закрыл уши руками.

Продолжение следует